

У НАС НА ГАСТРОЛЯХ



К этой вообще-то вполне новой мысли заставил по-новому обратиться Уфимский русский драматический театр, гастроли которого заканчиваются в нашем городе. И если можно говорить о самом остром впечатлении от них, то это щедрая и какая-то нерасчетливая растрата того, что называется «материя души».

Эти знакомы по ленинградской афише, интеллигентно и вдумчиво, именно к ним в репертуаре гастролей естествен: не оскудевает пафос всенародного изживания замалчиваемых до этого тем.

Но, скажу сразу, открытия, определявшие отношение к уфимцам и давшие возможность начать статью о них со

за тюлем на втором плане, где кружатся в вальсующей черноте и воздушном белом паре прошлых дней, — все это можно вынести за скобки и оставить одно: человеческие связи, тонкую ниточку общности, построенной на законах той высшей гармонии, которая постепенно утрачивается нашим рациональным обществом.

В этом особенно большая заслуга исполнителя главной роли И. Капалова, а также актеров Г. Мидзевой и Ю. Карма-

ляма «громкими». Оvation и слезы переполняли зал на «Колыме» и «Завтра была война». Причем вынутые кружевные платочки почему-то явно настораживали, ими пользовались как своего рода индугацией: «и мы причастны...» А чему, собственно говоря, причастны?

Режиссер Н. Березин в дан-

ады, которая диктуется страстным желанием понять, что же происходило в то время с людьми, с жизнью, а не демонстрация картинок, которые скоро рискнут налезнуть в зубях, как повторяющееся имя Сталина, как из спектакля в спектакль переносимые зловещие портреты. И получается: «пугают, а не страшно». Потому что страшно не произнести вслух слово, показать портрет, а приблизиться к тому краю, к той пропасти, на краю которой вынуждена была балансировать душа человека, поставленная туда этим словом, этим портретом. А сколько молодых, нетронуемых, открытых залу с той доверчивостью, как если бы они анимали добру, душ загубили эти проклятые годы! Вот этого в спектакле не было. Несмотря на то, что мы узнавали лица, полюбившихся нам и не вызывавших сомнения в своей душевной откровенности, пластичности актеров.

Можно было бы сказать о творческом проигрыше театра и поставить здесь точку, если бы за ним не всплывало другое.

Вот эти самые слезливо поднятые и глазами кружевные платочки. Мы не имеем права, не должны — это преступно по-своему низводить «проклятые вопросы» до адаптированного текста мелодрамы. Потому что природа человека такова, что спрятать голову под крыло легче, чем положить ее на плаху. И гораздо удобнее выплакаться в уютном кресле, чем обратить глаза «внутрь души». А именно последнее и есть высшая, благороднейшая задача старика театр.

Алена КРАВЦОВА

СПРЯЧЬТЕ КРУЖЕВНЫЕ ПЛАТОЧКИ...

Если чем и жив человек со времен первого своего осознания до времен сегодняшних, так это живой душой. Которая, как говорится, ни в огне не горит — будь это даже огни инквизиции, ни в воде не тонет — будь это воды любого застоя.

Точно так и театр жив человеком, который есть душа театра, его неистребимая особенность, родовая, так сказать, черта, выделяющая театр из всех прочих искусств. Можно напустить туману в прямом и переносном смысле слова, можно использовать все новейшие достижения техники, вплоть до голографии, но ничто и никогда не заменит на сцене живого человека с живой душой, который вот тут, сейчас, на наших глазах ступает над безднами того, что мы называем привычно «жизнью», а драматурги — драмой, трагедией, комедией.

Спектакль мог нравиться или не нравиться, вызывать споры, а порой резкое несогласие, — но работа актеров, которые выходили к рампе, как в последний раз, чтобы отдать зрителю свое мастерство, силы, темперамент, — эта работа равнодушной никого не оставляла. И каждый раз зал взрывался аплодисментами, смутно волнуясь и порой не скрывая слез.

Афиша театра довольно богата. И, конечно, зритель с интересом потянулся в первую очередь на «Колыму» И. Дворецкого, «Завтра была война» Б. Васильева, на «Самоубийцу» Н. Эрдмана... Хотя назва-

слов «душа», «человек», «актер», в большинстве связаны как раз со спектаклями «тихими», от которых открытий как-то и не ожидалось. Не становясь на цыпочки и не взбираясь на котурны, актеры в этих спектаклях обнаружили то живое отношение к происходящему, те живые связи, те подлинные движения чувств и эмоций, которые позволяют говорить о вечной молодости старика театра.

«Пять романсов в старом доме» В. Арро в постановке главного режиссера театра М. Рабиновича погружают нас в тесный закуток человеческого жилья, который может быть замкнут четырьмя стенами со старыми обоями и лепниной, а может оказаться подлинным, тревожным, полным тайны и боли миром, населенным людьми, умеющими любить, жертвовать, одинаково знающими цену счастью, утрате, смерти.

...В неартку, где, выдавая засидевшуюся в давности дочку замуж, мать и отец готовятся к ремонту, привакая хозяйственного зятя, попадает чудачко-исследователь, несколько лет мядно следящий за жизнью этого дома. Он сделал открытие и знает, что здесь жил и умер замечательный поэт. Пыл и страсть молодого ученого создают немедленные ситуации, которые оставляют место почти гомеровским слезам. Досадные красноты, вроде тан-

ноза в роли родителей, О. Шумилова в роли незадачливого жениха. Новая для ленинградского зрителя пьеса В. Дворецкого «Старое в постановке молодого режиссера Н. Березина не таяла бы в себе особых новизн, если бы не замечательный дуэт В. Шитова — актера с безудловно широкими и неиспользованными до конца диапазоном — и явного лидера труппы В. Малюшина.

...На дачу преуспевающего художника попадает бежавший из заключения зэки. Главаря, которого и играет В. Шитов, пытается заставить художника вывести их из окружения, впрочем, более, чем другие, понимая обреченность затеи.

Существом спектакля, полностью его ставящим, отношения двух людей, которые борются каждый за свою собственную позицию, правду. И ситуация здесь не исчерпывается видимым — припертый к стене существом этих спектаклей гостей, который и ставит его нужным интеллигент. Речь идет о безвыходности, о страшных тупиках, в которые упирается человек, идущий на компромиссы. (В этом смысле строгую и корректную работу актеров, включая и Н. Ананшкову, О. Шумилова, Н. Дудинова, едва не сводит на нет сам режиссер, вдруг в финале сблизившись с «символическими» картинами с «омовением» и т. д.).

Теперь, не останавливаясь отдельно уже на актерских работах, попробуем разобраться, что же произошло со спектак-

ном случае пошел по линии наименьшего сопротивления, и оба спектакля — дилогия, выстроены в одной и той же тоналности и эстетике, которую можно определить как «литературную композицию» с «живыми картинками», где одинаково убедительны и читающиеся с надрывом и значимыми тексты на авансцене, и старательно стилизованная под «те времена» действительность на движущемся со скрипом круга. Можно было бы отметить этот скрип на счет несовершенной сцены хозяев — в Уфе театр имеет почти сказочное помещение и сцену, — если бы не пронизывал какой-то натульный скрип само существо этих спектаклей гостей, так что казалось, он-то и выражает их содержание.

И тут хочется все-таки поговорить не о том, что и как происходило на сцене, а поразмышлять о другом.

Да, сегодня мы обращаемся к темам самым сложным, касаемся боли неизжитой, стараемся сделать достоянием гласности то, что замалчивалось многие годы. Но здесь необходима высшая мера пра-